

**«ОДНА ИЛИ ДВЕ РУССКИХ ЛИТЕРАТУРЫ» –
ДИАЛОГ ДВУХ ЭМИГРАЦИЙ**

Аннотация

Подденежная Е.В. «Одна или две русских литературы» – диалог двух эмиграций.

В статье, на примере анализа сборника эссе З.Зиника, рассматривается понятие целостности русской литературы, определяются черты, сближающие два потока русской литературы – в эмиграции и метрополии, которые, с одной стороны, определяют своеобразие каждого из них, и с другой – безусловную сложность, противоречивость их взаимодействия.

Ключевые слова: русская эмиграция, третья волна, эссе.

Анотація

Подденежна О.В. «Одна чи дві російських літератури» – діалог двох еміграцій.

У статті, на прикладі аналізу збірки есе З.Зініка, розглядається поняття цілісності російської літератури, визначаються риси, які зближують два потоки російської літератури – в еміграції і метрополії, що, з одного боку, визначає своєрідність кожного з них, і з іншого – безумовну складність, суперечливість їх взаємодії.

Ключові слова: російська еміграція, третя хвиля, есе.

Summary

Poddenezhnaya Ye.V. “One or two Russian literatures?” – the dialogue of two emigrations

The article, based on the analysis of the essays collection of Z. Zinik, elaborates the notion of Russian literature integrality. It defines the features that bond two branches of Russian literature (in diaspora and motherland): on one hand, it shows the distinctness of each, on the other, complexity and contradictoriness of their interaction.

В 1970-х годах началось движение третьей волны эмиграции из СССР на Запад. Ее авторы представляли собой поколение, рожденное и воспитанное в советской системе, и, соответственно, их творческие интересы

оказались сосредоточены, прежде всего, на культурных процессах, происходящих в СССР. Главными темами эмигрантской эссеистики и прозы данного периода стали роль писателя и функция литературы по отношению к культурной и литературной жизни метрополии.

Авторы-эмигранты «третьей волны» эмоционально и провокативно задавались тем же вопросом, что и представители «первой волны» русской эмиграции – «Одна или две русских литературы»? И, пытаясь дать ответ на него, втягивались в собственную игру интерпретаций, иногда жертвуя аргументацией ради риторических умозаключений.

Целью данной статьи является анализ сборника эссе «Эмиграция как литературный прием» З.Зиника – прозаика, эссеиста, либреттиста, литературного обозревателя, радиожурналиста.

Книга З.Зиника представляет собой подробный и увлекательный анализ литературной ситуации в эмиграции, мемуарные отчёты о личных встречах автора с классиками XX столетия, Энтони Бёрджессом и Фрэнсисом Бэконом, охватывая широкий круг тем: от истории создания еврейского государства до английских традиций, некогда осознанных им, и с тех пор ставших частью его собственной жизни.

Дискуссия в литературоведении относительно возможности существования литературы в эмиграции имеет давние корни. Так, Н.А.Богомолов, О.Н.Михайлов, А.С.Мулярчик, А.И.Чагин и другие исследователи писали о существовании двух литературных процессов – эмиграции и метрополии. Безусловно, литература русского зарубежья, официальная советская литература и литература оппозиционно-советская в своих основных темах, проблемах, пафосе и культурно-историческом значении резко расходились в ценностно-смысловом пространстве русской культуры XX века. При этом русская зарубежная литература художественно обобщала опыт изгнания, жизни в эмиграции, в инокультурном и иноконфессиональном окружении, опыт ностальгии, делящийся несколько поколений. Все это очень разное культурное наследие представляет исследовательскую и культурную значимость именно в целостности. И вопрос о сущности и художественной ценности эмигрантской литературы является концептуальным для всей литературы эмиграции, как «первой», так и «третьей» волны. Собственно причина остроты его постановки в состоянии «духовной оторванности» и потере точки опоры, которые побу-

ждали авторов – эмигрантов к поискам оправданий уже совершенного в прошлом выбора, к поискам подтверждений их состоятельности, неизбывного творческого потенциала, но уже в новых условиях.

В 1954 году Г.Струве в статье «Double Life of Russian Literature», обращаясь к двум потокам русской литературы, писал о необходимости отдельного рассмотрения каждого из них [1: 406]. В 1978 году, на симпозиуме в Лозанне, прямо посвященном этой проблеме – «одна или две русские литературы», Л.Флейшман, вступая в диалог с Г.Струве, заметил, что начиная с 50-х годов «эмигрантская литература и метрополия литература продолжали составлять две независимых друг от друга области научного описания и оценки» [2: 63]. На конференции 1981 года в Калифорнии – «Русская литература в эмиграции: Третья волна» – утверждали, что появление независимой национальной литературы в эмиграции должно быть связано с созданием новой нации или государства. Однако, между тем подчеркивалось концептуальное отличие литературы «третьей волны» от предшественников в отношении их взгляда на литературу метрополии. И, рассуждая об эмиграции «третьей волны», утверждали гораздо более сильную связь данного поколения эмигрантов с метрополией, чем это было в прошлом.

В определенном смысле данный подход реализуется в книге З.Зиника «Эмиграция как литературный прием» в связи с тем, что сам автор, как и большинство эмигрантов 1970 – 1990-х годов, по факту рождения, образованию и жизненному опыту был советским гражданином. У его сверстников не было ностальгии, они не знали жизни русской диаспоры. И их лицо, по сути, определяла не преемственность и сохранение традиций, а, скорее, тенденция к самоопределению, к саморефлексии. Так, З.Зиник констатировал: «У меня прошлого не было, я был вне истории. Мои лагеря были лишь пионерскими. Это была чужая история, их история» [3: 11].

Автор в сборнике эссе пытается проанализировать жизнеспособность эмигрантской литературы. В предисловии, задаваясь вопросом о самом факте ее существования («Существует ли в наши дни эмигрантская литература?»), и в последней главе, оптимистично утверждая перспективы ее развития: «Вне зависимости от политической географии сюжета говорить от имени тех, кто затерялся между двух миров? И в этом смысле русская

литература в эмиграции только начинается» [3: 249], – З.Зиник собственный текст делает инструментом художественной и философской рефлексии.

Л.Садыкова в монографии «Русское эссе XX века» пишет: «Наиболее характерными для текстов являются размышления о трагических судьбах русской эмиграции. В этом случае субъектом размышлений становится не традиционное в эссеистике “Я”, а обобщенное “Мы”» [4: 218]. В книге З.Зиника позиции «Я» и «Мы» выступают как взаимодополняющие друг друга. В первой главе личные воспоминания о советской Москве выступают в тесной взаимосвязи с вечными вопросами об эпохе, литературе, гармонии и действительности. («Когда я думаю о советской Москве своих детских лет, я радостно вспоминаю прежде всего увешанную лозунгами улицу Горького с праздничной толпой на Первое мая дня победы юбилея Революции» [3: 8]; «С этого и начинается эмиграция: эмиграция есть разрыв всех связей со страной, кроме связей личных» [3: 9]).

З.Зиник насыщает собственное повествование приватными, бытовыми, повседневными деталями, то есть фактическим материалом, который, на первый взгляд, как бы диссонирует с мировоззренческой, глубоко философской проблематикой самой книги. Однако, такой подход является обоснованным, в связи с попыткой оценить себя и свое поколение в новых категориях, максимально приближенных к действительности: «Мир «здесь», новый мир, чужд памяти о прошлом и, следовательно, враждебен эмигрантскому сознанию. Этот мир заставляет эмигранта рядиться в новые одежды» [3: 12]. Отсюда и возникает обостренное отношение автора к материальным, предметным манифестациям реальности.

Книга включает обширные цитаты, тем самым она лишена научного догматизма и строится как увлекательный, захватывающий рассказ. При этом, тема этого рассказа вне зависимости от угла зрения остается неизменной – «существует ли эмигрантская литература?». А парадигма лейтмотивов повествования включает в себя судьбу поколения, сходство и различие культур и цивилизаций – русской и западноевропейской, причем эти мотивы интерпретированы как в ироническом, так и в трагическом ключе, то есть модальность книги является сложной.

Показательно, что сборник имеет цикличное строение, соответственно вопрос о целостности авторской концепции решается З.Зиником, в том

числе, и в плане поэтики самого текста. Глава сборника «Эмиграция как литературный прием», давшая название всей книге, получает логическое завершение в последней части, под названием «Существует ли эмигрантская литература?». З.Зиник, следуя давней эмигрантской традиции, вступает в дискуссию о русской эмигрантской литературе, которая длится с момента ее определения как таковой.

В первой части «Эмиграция как литературный прием», опубликованной впервые в журнале «Синтаксис», в 1983 году, четко прослеживается сосуществование разновекторных подходов к эмигрантскому литературному контексту. Прежде всего, автор задается вопросом относительно опыта эмиграции, и, отвечая на него, пишет о «расщепленном эмигрантском сознании», используя типизацию как принцип анализа эмигрантского литературного контекста.

В названии – «очевидная отсылка» к Виктору Шкловскому и его «литературе как приему». Автор выстраивает парадигму остранения, в которой пересекаются его собственные воспоминания (собственно «физическое» изгнание) и литературный контекст. Так, в первой главе соседствуют воспоминания о «советской Москве», играх в казаки-разбойники, в белых и красных шпионов.

С приемом остранения, как доминантным для статьи З.Зиника, связывается и вся система его мотивной аргументации. Так, рассуждая о теме разрыва и разлуки, автор связывает ее с уходом на тот свет и с «необитаемым островом».

Понятно, что для эмиграции способом преодоления отчуждения является литературное творчество, которое формирует новое жизненное пространство и реконструирует собственное «я». Естественно, личность писателя-эмигранта становится частью его собственного сюжета, который он и описывает.

И, тем не менее, доминантой критического повествования является все-таки отношение к традиции как категории, управляющей эмигрантским сознанием все трех волн. Эмиграция, с одной стороны, понимается З.Зиником, как состояние «личной революции», «мгновенной смерти». С другой – как «метафорический прыжок» за границу, связанный с локализованной концепцией места и дома. Причем сама эмиграция, «переход через границу», рассматривается автором с позиций экзистенциальной

философии. Основной темой становится путешествие к обретению самого себя. При этом окончательная цель «путешествия» не осознается автором до того, как она осуществится.

В целом, в тексте, присутствует явная пространственная оппозиция: здесь, в эмиграции, – там, за железным занавесом.

Идейно-эстетические искания автора сосредоточены вокруг идеологических дилемм – «мы и они», «интеллигенция и власть», «Россия и Запад». З.Зиник опирается на ценности гуманитарной интеллигенции: индивидуальную свободу, уважение к личности, ответственность перед традицией, эрудицию, юмор. При этом его концепция лишена догматизма, так как «русский мир» в книге сливается с «европейским опытом истины». И тем не менее, автор утверждает: «Но я-то знаю, что я существую. Я существую, но – в другой литературе. Эту литературу я и называю эмигрантской, потому что ее суть, тема, сюжет – именно уход» [3: 253].

Большинство эмигрантов считали, что Россия – это они. И тезис З.Зиника о сути эмигрантской литературы как раз подтверждает, что ностальгия, утерянная идентичность, неуверенность в статусе европейца, то есть все то, что было описано русской эмиграцией «первой волны», осталось актуальным и для следующих поколений.

Можно утверждать, что автор через систему воспоминаний, наиболее авторитетных имен стремится создать свою, символическую топику. Так, для него в равной степени знаковыми являются такие имена, как Энтони Берджесс и Н.В.Гоголь. Так или иначе, З. Зиник находится в русле дискуссий о самом факте существования литературы в эмиграции.

Ефим Эткинд заявлял, что появление независимой национальной литературы эмиграции должно быть связано с созданием новой нации или государства. Эткинду вторил Синявский, указывая на фундаментальное отличие литературы третьей волны от предшественников в отношении литературы метрополии: «Наши читатели не только здесь, но, может быть, главным образом в современной России – да и рассуждая шире, нынешняя эмиграция куда теснее связана с метрополией, чем это было в прошлом» [1: 30]. Зиновий Зиник подключился к дискуссии об этом фундаментальном вопросе, доказывая, что хотя между эмигрантской литературой и литературой метрополии лежала пропасть в отношении того, что касалось цензуры и идеологии, им обеим были присущи многие фунда-

ментальные установки, среди которых доминантой была вера в первенство высокой литературы. И художественная авторефлексия собственной судьбы в контексте самоидентификации эмиграции третьей волны как нельзя лучше демонстрировала сближение двух истоков русской литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Struve G.* The Double Life of Russian Literature // Books Abroad. – 1954. – Vol. 28.
2. Одна или две русских литературы?: Международный симпозиум. – Lausanne, 1981.
3. *Зиник З.* Эмиграция как литературный прием / З.Зиник. – М., 2011.
4. *Садыкова Л.В.* Русское эссе XX века. Художественное своеобразие, динамика жанра. – Донецк, 2009.

УДК 82-312.6

С. С. РОСОВЕЦКИЙ
(Киев)

«ЕГО-МОЯ БИОГРАФИЯ...» ВАСИЛИЯ КАМЕНСКОГО. ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОСТИ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Аннотация

Росовецкий С. С. «Его-моя биография...» Василия Каменского. Проблема двойственности авторской позиции.

В статье раскрывается проблема двойственности позиции автора в первой, 1918 года, автобиографии В. Каменского. Показано, как поэт демонстрирует читателю различие между идеальной своей ипостасью («Он») и собою как земным человеком («Я»).

Ключевые слова: Василий Каменский, позиция автора, футуризм, автобиография.

Анотація

Росовецький С. С. «Його-моя біографія...» Василя Каменського. Проблема подвійності авторської позиції.